

Жилкин Максим Геннадьевич

профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; профессор Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный редактор журнала «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, доцент

Zhilkin Maxim G.

Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Professor at the Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Editor-in-Chief of the journal "Union of Criminalists and Criminologists"; Doctor of Legal Sciences; Associate Professor

Статья
поступила в редакцию:
21.07.2026
одобрена после
рецензирования:
14.08.2026
принята к публикации:
21.09.2026

Российская Федерация
Москва

19234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корпус 51

Russian Federation
Moscow

19234, Moscow, Leninskie gory, 1,
building 51

✉ zmax71@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ) 8173-5696

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6128-0283>

Работа выполнена без финансового спонсорства

УДК 343.01

Оценочные понятия в уголовном праве

Evaluative concepts in criminal law

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что оценочные понятия остаются одним из наиболее сложных инструментов уголовно-правовой регламентации: они позволяют учитывать многообразие жизненных ситуаций, но одновременно повышают риск неодинакового толкования уголовного закона.

Цель статьи состоит в раскрытии юридической природы оценочных понятий, определении их места в механизме квалификации преступлений и формулировании требований к мотивировке правоприменительного решения.

Методы исследования включают формально-юридический, логико-догматический, системный и интерпретационный методы, а также анализ доктринальных подходов, правовых позиций высших судов и опубликованных материалов правоприменительной практики.

Результаты исследования выражаются в обосновании вывода о том, что оценочное понятие не является проявлением произвольного усмотрения правоприменителя. Его содержание формируется на пересечении законодательной, доктринальной, судебной и индивидуальной правоприменительной оценки. Предложено рассматривать стандарт применения оценочного понятия как совокупность трех элементов: установление предмета оценки, соотнесение его с выработанным общим понятием и мотивированное описание признаков, позволяющих признать соответствующий уголовно-правовой признак установленным.

Ключевые слова: оценочные понятия, уголовное право, квалификация преступлений, правоприменение, юридическая оценка, судебное усмотрение, толкование закона, законодательная техника.

Abstract. Relevance. Evaluative concepts remain one of the most complex instruments of criminal-law regulation: they make it possible to take into account the diversity of factual situations, but at the same time increase the risk of inconsistent interpretation of criminal law.

Purpose. The article aims to reveal the legal nature of evaluative concepts, to determine their place in the mechanism of qualification of crimes, and to formulate requirements for the reasoning of law-enforcement decisions.

Methods. The research uses formal legal, logical-dogmatic, systemic, comparative legal and interpretative methods, as well as an analysis of doctrinal approaches, legal positions of the higher courts and published materials of law-enforcement practice.

Results. The article substantiates that an evaluative concept is not a manifestation of arbitrary discretion of the law enforcer. Its content is formed at the intersection of legislative, doctrinal, judicial and individual law-enforcement evaluation. It is proposed to regard the standard for applying evaluative concepts as including three elements: identifying the object of evaluation, correlating it with the developed general concept, and providing a reasoned description of the features that allow the relevant criminal-law element to be considered established.

Keywords: evaluative concepts, criminal law, classification of crimes, law enforcement, legal assessment; judicial discretion, interpretation of the law, legislative technique.

Для цитирования: Жилкин М.Г. Оценочные понятия в уголовном праве // Научные исследования преступления и наказания. – 2026. – № 3 (7). – С. 17–27.

For citation: Zhilkin Maxim G. Evaluative concepts in criminal law // Scientific Crime and Punishment Research Journal. – 2026. – No 3 (7). – P. 17–27.

Введение. Основная проблема оценочных понятий в уголовном праве состоит в том, что отказаться от них уголовный закон не может, поскольку общественные отношения меняются быстрее, чем их удастся исчерпывающе описать в виде жестких, раз и навсегда заданных формулировок. Если стремиться к полной формализации всех признаков, закон неизбежно станет либо чрезмерно казуистичным, либо недостаточно пригодным для оценки новых и нетипичных ситуаций. Именно поэтому такие конструкции, как «существенный вред», «тяжкие последствия», «грубое нарушение», «явное неуважение», «значительный ущерб» и иные сходные признаки, сохраняют в уголовном праве самостоятельное регулятивное значение.

Но та же гибкость, которая делает оценочные понятия практически необходимыми, одновременно создает и риск неодинакового применения. Источник этого риска не в том, что правоприменитель будто бы склонен выходить за пределы закона сам по себе; проблема глубже – сам законодатель оставляет пространство для оценки. Поэтому научный вопрос заключается не в том, удачен или неудачен этот прием законодательной техники вообще, а в том, какими юридическими средствами удержать его в границах законности, чтобы необходимая гибкость уголовно-правовой нормы не превращалась в произвольное усмотрение.

Вклад настоящей статьи состоит в том, что акцент переносится с общей характеристики оценочных понятий на мотивировку их применения. Оценочное понятие предлагается рассматривать не как разрешение на свободное усмотрение, а как основание для более сложной и более ответственной юридической аргументации. Иными словами, чем менее формально определен признак в тексте закона, тем более развернуто должно быть показано, какие именно обстоятельства дела, в какой совокупности и по каким правовым основаниям позволяют наполнить соответствующий термин конкретным уголовно-правовым содержанием.

Такой ракурс позволяет по-новому поставить и вопрос о пределах усмотрения. Полностью устранить его при работе с оценочными понятиями невозможно, да это и не требуется. Требуется другое: сделать усмотрение проверяемым. Это достигается не количеством общих ссылок на судебную практику и не декларативным упоминанием доктрины, а последовательной логикой правовой оценки – от фактического обстоятельства к юридически значимому признаку, от признака к общему стандарту оценки, а от него

к мотивированному выводу по конкретному делу. Именно здесь и проходит граница между допустимой правовой оценкой и субъективизмом.

Научная проблема, таким образом, состоит не в простом перечислении существующих подходов, а в выявлении того предела, за которым оправданная гибкость уголовно-правового регулирования начинает создавать риск произвольной квалификации. Оценочные понятия, используемые в уголовном законе, обоснованно рассматриваются как самостоятельный и исторически сложившийся прием законодательной техники, отражающий особенности уголовной политики соответствующего периода [7, с. 1]. В современной литературе справедливо подчеркивается, что полное устранение оценочных понятий из нормативного материала не только невозможно, но и нецелесообразно, поскольку именно они позволяют праву реагировать на многообразие социальных ситуаций без чрезмерной казуистичности закона [16, с. 90–93]. Поэтому центральным становится вопрос о юридических гарантиях их применения: понятном стандарте оценки, проверяемой мотивировке и устойчивых границах усмотрения.

Актуальность темы подтверждается и тем, что проблематика оценочных понятий в уголовном праве разрабатывалась на диссертационном уровне в разные годы: от исследования Е.В. Кобзевой, посвященного оценочным признакам уголовного закона, до современного теоретико-прикладного анализа Д.Р. Касимова и специального исследования Н.С. Мусиенко применительно к преступлениям против общественной безопасности [7; 6, с. 3–5; 12, с. 3–4]. Вместе с тем вклад настоящей статьи состоит не в реконструкции всей истории научной дискуссии и не в анализе отдельной группы составов преступлений, а в формировании прикладного стандарта применения оценочного понятия. Такой стандарт должен быть пригоден для проверки мотивировки правоприменительного решения: он связывает предмет оценки, общее понятие, фактические обстоятельства и вывод о наличии либо отсутствии уголовно-правового признака.

Цель настоящего исследования состоит в раскрытии сущности оценочных понятий в уголовном праве и в обосновании такого подхода к их применению, при котором оценочное усмотрение сохраняет необходимую гибкость, но получает проверяемые правовые пределы.

Основное содержание. Оценка в уголовном праве имеет двойственную природу. С одной стороны, она неизбежно связана с ценностью охраняемых уголовным законом общественных отношений: вред, ущерб, опасность, существенность, значительность, тяжесть последствий невозможно понять вне характеристики объекта посягательства. С другой стороны, уголовно-правовая оценка не может растворяться в личном правопонимании следователя или суда. Она предполагает сопоставление фактических обстоятельств с нормативным смыслом признака, с разъяснениями высших судебных инстанций, устойчивой практикой и доктринально выработанными критериями [5, с. 7–9; 17, с. 106].

Такой подход позволяет избежать двух крайностей. Первая – воспринимать оценочное понятие как сферу практически свободного усмотрения, когда один и тот же термин наполняется разным содержанием в зависимости от индивидуального правосознания правоприменителя. Вторая – пытаться полностью нейтрализовать оценочный элемент и свести его к чисто формальному признаку, как если бы любой юридически значимый вывод можно было заранее выразить числом, исчерпывающим перечнем или жесткой формулой. Для уголовного закона обе крайности одинаково неблагоприятны: первая разрушает предсказуемость квалификации, вторая обедняет саму нормативную ткань регулирования.

Поэтому в уголовном праве требуется не устранение оценочных понятий как таковых, а выработка стандарта их применения. Такой стандарт должен включать,

как минимум, установление предмета оценки, выявление его юридически значимых свойств, сопоставление этих свойств с нормативным и доктринальным смыслом признака и, наконец, мотивированное объяснение вывода. Только при такой последовательности оценочный признак перестает быть словесной формулой и становится проверяемым элементом квалификации. Именно мотивировка превращает оценку в юридическую деятельность, а не в произвольное усмотрение.

В правовой норме понятие выполняет роль логической формы отражения действительности. Оно фиксирует существенные признаки предметов и явлений, позволяя законодателю описывать модель запрещенного поведения. Формально определенные понятия характеризуются тем, что их признаки заранее обозначены законом или устойчиво раскрыты в правовой системе. Правоприменитель в таком случае преимущественно проверяет наличие уже известных признаков. Оценочное понятие устроено иначе: его содержание в полной мере раскрывается только в процессе применения нормы к конкретной ситуации.

В науке оценочные понятия определялись по-разному. В.Н. Кудрявцев связывал их применение с ситуацией, когда суд не только сравнивает явление с общим понятием, но и в известных пределах формулирует содержание самого понятия [9]. В.В. Питецкий указывал на раскрытие содержания оценочного понятия в процессе применения нормы с учетом конкретных обстоятельств дела [14, с. 89]. Е.В. Кобзева предложила материально-формальное понимание оценочных признаков как неконкретизированных в законе уголовно-правовых понятий, содержание которых устанавливается лицом, применяющим норму, на основе обстоятельств конкретного уголовного дела [7, с. 1]. Эти подходы позволяют выделить не произвольный, а нормативно ограниченный характер оценочного усмотрения.

Представляется, что оценочное понятие в уголовном праве можно определить как закрепленный в уголовно-правовой норме термин или словосочетание, содержание которого не исчерпывается текстом закона и подлежит конкретизации при применении нормы на основании фактических обстоятельств дела, нормативного контекста, правовых позиций высших судов, устойчивой практики и доктринальных критериев. В этом смысле оценочное понятие не тождественно неопределенности закона. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что оценочный признак наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом его толкования в правоприменительной практике, а потому сам по себе не препятствует единообразному пониманию закона¹.

К числу основных признаков оценочного понятия относятся: частичная неопределенность содержания; зависимость от конкретной фактической ситуации;

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 159 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 части первой статьи 389²⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 1201-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чернова Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 146, 217, 278, 281¹ и частью второй статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, а также положениями Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 999-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

необходимость дополнительной юридической оценки; возможность использования постоянных и переменных критериев; связь с пределами правоприменительного усмотрения; требование мотивированного раскрытия в процессуальном решении. При этом оценочное понятие обычно включает не только переменные обстоятельства, выявляемые по конкретному делу, но и устойчивые признаки, без которых соответствующая правовая оценка утрачивает проверяемость [2].

Интересное наблюдение делает А.В. Фиошин: «В некотором смысле оценочное понятие можно сравнить с пресс-формой – устройством, посредством которого производятся изделия разной конфигурации из разнообразных материалов (металл, пластмасса, резина и др.). Подобно материалу, помещенному в пресс-форму, содержание оценочного понятия может быть различным. Оно может обнимать самые разные жизненные обстоятельства. При этом конструкция оценочного понятия, как представляется, имеет границы. Иными словами, объем оценочного понятия не является безграничным. В него нельзя включить все что угодно» [16]. Полагаем, что границы оценочного понятия действительно существуют, но их линия проводится не столько в законе или ином нормативном документе, сколько в акте конкретного правоприменения, где оценочное понятие как форма наполняется совершенно определенным содержанием.

В этой связи заслуживает внимания взгляд Д.Р. Касимова, который провел актуальное и достаточно убедительное исследование оценочных понятий в уголовном праве. В частности, он пишет: «Открытый характер объема любого и каждого уголовно-правового оценочного понятия и невозможность подсчитать все случаи словоупотребления таких понятий не свидетельствуют о том, что диапазон значений какого-либо оценочного понятия является бесконечным, поскольку подразумеваемый таким понятием количественно-качественный состав объектов (предметов, явлений, процессов и др.) и форм их возможного проявления всегда ограничен, с одной стороны, многообразием форм выражения действительности на момент интерпретации, а с другой – юридическим дискурсом (потому лишь теми объектами и формами их проявления, которые могут быть подвергнуты правовому регулированию)» [6, с. 12]. Иными словами, позиция автора может быть изложена так, что помимо ситуативной оценки действительности при определении содержания оценочного понятия следует учитывать научный уровень оценки, складывающийся на основе теоретических выводов и обобщения судебно-следственной практики. Достоинство данного подхода состоит в переносе акцента с простой констатации неопределенности на анализ условий словоупотребления оценочного понятия в юридическом дискурсе.

В диссертационном исследовании Д.Р. Касимова оценочные понятия определяются как закрепленные в уголовном законе понятия, лишенные точных, исчерпывающих и ситуативно неизменных условий своей словоупотребительной применимости. Этот вывод важен, поскольку он исключает отождествление оценочного понятия с пробелом закона или произвольным усмотрением.

Вместе с тем лингво-семантическая модель оценочных понятий нуждается в практическом продолжении. Для следователя, прокурора и суда недостаточно установить, что термин обладает словоупотребительной неопределенностью. Необходимо показать, какие фактические признаки и какие ценностно-правовые ориентиры позволяют применить его в конкретном деле. Поэтому мы предлагаем сместить акцент с общей онтологии оценочного понятия на стандарт мотивировки, обеспечивающий проверяемость результата уголовно-правовой оценки.

Дополнительного уточнения требует вопрос о разграничении оценочных понятий со смежными правовыми явлениями. Л.А. Бегоян справедливо обращает внимание на то, что не

всякое понятие, содержание которого нуждается в уточнении при применении нормы, является оценочным. К числу не оценочных следует относить, во-первых, понятия, содержание которых раскрывается специалистами или экспертами на основе специальных познаний; во-вторых, понятия, смысл которых определяется нормами иных отраслей права, то есть бланкетные элементы; в-третьих, общеупотребительные понятия, не требующие специальной уголовно-правовой конкретизации [1, с. 6].

Значение указанного разграничения состоит в том, что оно не позволяет расширять сферу оценочного усмотрения за счет тех случаев, где правоприменитель должен не самостоятельно формировать юридический стандарт, а обратиться к специальному знанию, отраслевому регулированию или общезыковому смыслу термина. Поэтому оценочное понятие не должно подменять ни бланкетную норму, ни экспертное установление факта, ни обычное толкование общеупотребительного слова.

Существенным является и вывод о том, что оценочное понятие обычно характеризует не явление в целом, а отдельное его свойство или отношение. Например, само хулиганство не является оценочным понятием, однако такие его признаки, как грубое нарушение общественного порядка или явное неуважение к обществу, имеют оценочный характер [1, с. 7]. В этом смысле оценочный признак выступает не самостоятельной заменой состава преступления, а способом юридического описания определенной стороны деяния.

Отсюда вытекает еще одно практическое следствие: если раскрытие оценочного признака требует специальных знаний, правоприменитель не вправе компенсировать их отсутствие собственным усмотрением. В таких случаях необходимо привлекать специалиста или назначать экспертизу, иначе оценочное понятие превращается в источник произвольного суждения, не обеспеченного доказательственной основой [1, с. 8].

Ключевым элементом применения оценочного понятия является так называемое общее понятие. Под ним следует понимать не произвольное представление правоприменителя, а сформированный на основе законодательства, судебной практики и науки стандарт оценки соответствующего юридически значимого свойства. В этом смысле общее понятие выполняет роль ориентира, позволяющего соотнести конкретное обстоятельство дела с типовыми признаками, которые уже признаны юридически значимыми. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что содержание оценочного признака раскрывается с учетом фактических обстоятельств дела и правоприменительного толкования¹. Общее понятие не превращает оценочный признак в формально определенный. Оно не закрывает перечень возможных обстоятельств и не исключает появления новых признаков, ранее не описанных в практике. Однако оно задает правоприменителю точку отсчета и пределы оценки. С этой точки зрения

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 159 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 части первой статьи 389²⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 1201-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чернова Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 146, 217, 278, 281¹ и частью второй статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, а также положениями Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2026 № 999-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оценочное понятие можно представить как нормативную форму, которая нуждается в фактическом наполнении, но не допускает произвольного изменения своего юридического назначения.

С этой точки зрения заслуживает поддержки предложенное Д.Р. Касимовым требование одновременной семантической, аксиологической и юридико-квалификационной состоятельности формы проявления оцениваемого объекта [6, с. 12]. Однако для уголовного судопроизводства указанное требование должно быть переведено на язык процессуальной мотивировки: решение должно показывать, что установленный факт не только подходит под словарное значение термина, но и соответствует охраняемой уголовным законом ценности и цели конкретной нормы.

Например, при оценке таких признаков, как существенный вред, крупный ущерб, тяжкие последствия, особая жестокость, значительность или общественная опасность, правоприменитель не может ограничиться простой констатацией термина. Он должен раскрыть, в чем именно проявилось качество, обозначенное оценочным словом. Если речь идет о последствиях, необходимо установить их характер, размер, длительность, влияние на потерпевшего, организацию или охраняемый общественный интерес. Если оценивается способ деяния, требуется показать его интенсивность, направленность, опасность, связь с наступившими или возможными последствиями.

Особое значение имеет вывод о том, что основанием юридической оценки не может быть одно лишь правосознание субъекта. Правосознание влияет на понимание закона и оценку обстоятельств, но его нельзя ставить на место объективных критериев. Иначе оценочное понятие становится зависимым от индивидуальных представлений конкретного следователя, прокурора или судьи. Более убедительным является подход, при котором правосознание выполняет вспомогательную роль, а основной материал оценки составляют признаки предмета, стандарты доктрины, судебные ориентиры и фактические данные дела [8; 14].

Отсюда вытекает требование к мотивировке. Полагаем, что вопрос об определении содержания оценочного понятия может быть переведен из плоскости унификации понятий и определения универсального набора их признаков в плоскость аргументации – мотивировки конкретного судебного решения ответами на вопросы, почему именно представленные в процессуальном акте фактические обстоятельства позволили признать, что, например, ущерб является значительным, а иные последствия – тяжкими.

Немаловажным вопросом в дискуссии об оценочных понятиях в уголовном праве является их востребованность законодателем. Исследователи отмечают, что новеллы уголовного законодательства тяготеют к формулированию специальных норм со сложными казуистичными конструкциями, отмечая, тем не менее, что «при конструировании уголовно-правовых норм преимущественно должно сохраняться традиционное абстрактное регулирование, характеризующееся высоким уровнем обобщения» [13]. В этих условиях оценочные признаки выступают не только техническим приемом, но и способом поддержания адаптивности уголовного закона.

Поэтому вопрос заключается не в том, допустимы ли оценочные понятия вообще, а в том, в каких пределах они оправданы. Они необходимы там, где предмет уголовно-правовой оценки зависит от сочетания многих факторов: характера объекта, степени вреда, способа поведения, обстановки, длительности воздействия, круга потерпевших, формы вины и мотива. В то же время расширение «оценочности» не должно подменять обязанность законодателя формулировать ясные признаки состава преступления.

Однако оценочное понятие не должно использоваться там, где законодатель может и должен сформулировать четкий критерий. Особенно осторожным должно быть включение оценочных признаков в нормы, определяющие основания уголовной ответственности и составообразующие признаки. Интенсивная и не всегда системная модернизация уголовного закона повышает риск терминологической несогласованности, а значит, требует более строгой техники формулирования оценочных признаков и их последующего судебного толкования [4].

Сходные требования к законодательному конструированию оценочных признаков сформулированы А.В. Курсаевым, который связывает их допустимость прежде всего с дифференциацией ответственности, а не с самой криминализацией деяния [10, с. 256]. Данный тезис имеет принципиальное значение для уголовного права: чем ближе оценочный признак расположен к основанию уголовной ответственности, тем выше риск нарушения предсказуемости уголовного закона.

Из этого следует, что пределы содержания оценочного признака должны быть выводимы из общего смысла уголовного закона; при отсутствии количественных критериев законодатель обязан усиливать качественное описание признака, а при невозможности полной формализации – сохранять такие ориентиры, которые позволяют установить волю и смысл законодателя [10, с. 256–258]. Тем самым оценочное понятие становится допустимым приемом законодательной техники только при наличии одновременно двух условий: объективной необходимости и достаточной интерпретируемости.

С этой точки зрения заслуживает поддержки идея категоризации наиболее распространенных понятий уголовного закона [11, с. 12]. Такие термины, как «вред», «ущерб», «последствия», «размер», «значительность», «существенность», иногда используются в разных главах УК РФ неодинаково. Если законодатель не закрепляет общий стандарт, задача его выработки неизбежно переносится на судебную практику и доктрину. Наиболее заметны такие трудности при применении признаков существенного вреда, тяжких последствий, особой жестокости, опасности для жизни и здоровья, грубого нарушения и других сходных конструкций. Их содержание нельзя установить только по словарному значению: необходим учет уголовно-правового смысла нормы и обстоятельств дела [2].

Для уголовного права это принципиально, поскольку неопределенность терминологии непосредственно отражается на законности и предсказуемости квалификации. Когда одно понятие обозначает различные правовые явления, законодатель должен либо раскрыть его специальное значение, либо обозначить критерии, позволяющие установить это значение применительно к конкретной норме.

Между тем очевидно, что значительный ущерб в нормах о краже (ст. 158 УК РФ), предпринимательском мошенничестве (ч. 5–7 ст. 159), умышленном уничтожении или повреждении имущества (ст. 167), террористическом акте (ст. 205 УК РФ), нарушении правил охраны недр (ст. 255), уничтожении или повреждении лесных насаждений (ст. 261), нарушении режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262), диверсии (ст. 281 УК РФ) имеет разное качественное и количественное содержание. Это прямо следует как из текста закона, когда в примечаниях к соответствующим статьям определяются количественные границы этих признаков, так и из правовых позиций высшей судебной инстанции. Так, например, в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства

об ответственности за нарушения в области окружающей среды и природопользования»¹ прямо указывается, что разрешение вопроса о значительном ущербе зависит от конкретных обстоятельств дела, примерный перечень которых далее приводится. Схожие разъяснения мы можем увидеть в постановлениях по другим категориям дел. При этом набор критериев для определения терминологически одинакового оценочного понятия предлагается совершенно разный.

Проблема, таким образом, состоит не столько в наличии оценочных понятий, сколько в том, что их содержание нередко остается без надлежащего обоснования. В решении воспроизводится термин закона, но не объясняется, какие факты и правовые критерии послужили основанием для соответствующего вывода.

Отсюда возникают распространенные ошибки. В первом случае оценочный признак называется без указания обстоятельств, которые его образуют. Во втором – им пытаются восполнить недостатки доказывания, хотя оценочное понятие предназначено для юридической характеристики установленного факта, а не для его замены. В третьем случае – в уголовно-правовой текст механически переносится смысл из смежного административного, финансового, экологического или иного законодательства без учета целей и структуры уголовного закона [15].

Преодолеть эти ошибки можно только при переходе от терминологической краткости к полноценному стандарту мотивировки. Суд и иные правоприменители должны не просто назвать оценочный признак, а показать, каким образом установленные обстоятельства формируют его содержание в данном деле. В этом смысле пределы усмотрения проходят не по линии полного отказа от оценки, а по линии обязанности ее убедительно обосновать; именно такая аргументация позволяет одновременно обеспечить единообразие практики и индивидуализацию ответственности [3].

Заключение. В качестве заключения нами предлагается алгоритм определения содержания оценочного понятия в процессе уголовно-правовой оценки конкретного деяния, включающий пять последовательных этапов.

На первом этапе правоприменитель должен определить, к какой группе признаков состава преступления (объективных или субъективных) относится оцениваемое обстоятельство. Объективные признаки обычно характеризуют как само деяние, так и способ совершения и его последствия. Субъективные признаки, как правило, содержат оценочные понятия при описании мотивов и целей совершения преступления.

Второй этап – выявление нормативного контекста. Один и тот же термин может использоваться в разных главах уголовного закона и получать различные оттенки содержания. Поэтому необходимо определить место нормы в системе УК РФ, объект уголовно-правовой охраны, конструкцию состава, связь с примечаниями, бланкетными положениями, разъяснениями высших судебных инстанций и смежным отраслевым регулированием.

Третий этап – обращение к общему понятию. На этом этапе учитываются законодательные дефиниции, примечания к статьям, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, устойчивая практика, научные позиции и методические ориентиры. Именно здесь формируется стандарт оценки, ограничивающий субъективное усмотрение и переводящий

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оценочный термин из сферы интуитивного понимания в сферу проверяемого юридического аргумента [16, с. 101–108].

Четвертый этап – фактическая конкретизация. Правоприменитель устанавливает, какие свойства конкретного деяния соответствуют оценочному признаку. Здесь важны не любые обстоятельства дела, а только те, которые связаны с юридическим смыслом признака: размер и характер вреда, длительность поведения, интенсивность воздействия, круг потерпевших, степень нарушения охраняемых интересов, способ совершения деяния, предсказуемость последствий, мотив и цель.

На пятом этапе осуществляется мотивировка выдвинутого правового суждения, которое должно быть выражено в решении таким образом, чтобы его можно было проверить. Здесь требуется представить используемые нормативные и доктринальные стандарты оценки, обосновывающие, что выявленные фактические обстоятельства являются юридически значимыми и достаточными для определения содержания конкретного оценочного признака. В то же время следует указать, какие иные критерии оценки были исключены и почему.

Предложенную модель возможно использовать для подготовки процессуальных решений, судебных актов и методических рекомендаций по квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки.

Список литературы / References

1. Бегоян, Л.А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации // КриминалистЪ. – 2025. – № 1 (50). – С. 3–8. ISSN: 2686-7753. EDN: IYPRSD.
Begoyan, L.A. The content and signs of evaluative concepts in the criminal legislation of the Russian Federation // Criminalist. – 2025. – No. 1 (50). – Pp. 3–8. EDN: IYPRSD.
2. Гармышев, Я.В. Особенности установления оценочных понятий при квалификации отдельных видов преступлений // Российский следователь. – 2015. – № 19. – С. 35–39. ISSN: 1812-3783. EDN: UJHDKZ.
Garmshev, Ya.V. Features of the establishment of evaluative concepts in the qualification of certain types of crimes // Russian investigator. – 2015. – No. 19. – Pp. 35–39. EDN: UJHDKZ.
3. Грачева, Ю.В., Аубакирова-Тер-Григорян, Н.М. Пределы судейского усмотрения в применении смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ // Уголовное право. – 2024. – № 11. – С. 16–23. DOI: 10.52390/20715870_2024_11_16. EDN: RRJYSV.
Gracheva, Yu.V., Aubakirova-Ter-Grigoryan N.M. The limits of judicial discretion in the application of mitigating circumstances provided for in paragraph "z" of Part 1 of art. 61 of the Criminal Code // Criminal Law. – 2024. – No. 11. – Pp. 16–23. EDN: RRJYSV.
4. Гримальская, С.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 106–110. ISSN: 1991-6027. EDN: TNGWYD.
Grimal'skaya, S.A. The concept of criminal law policy of the Russian Federation // Modern law. – 2024. – No. 4. – Pp. 106–110. EDN: TNGWYD.
5. Жеребин, В.Е. Логический анализ понятий права. – Киев, 1976. – 150 с.
Zherebin, V.E. Logical analysis of the concepts of law. Kiev, 1976. 150 p.
6. Касимов, Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Касимов Дамир Ринатович. – Ижевск, 2024. – 238 с. EDN: OVCHDH.
Kasimov D.R. Theoretical and applied aspects of evaluative concepts in criminal law: dissertation of the cand. jurid. Sciences: 5.1.4 / Kasimov Damir Rinatovich. Izhevsk. – 2024. – 238 p. EDN: OVCHDH.
7. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 31 с. EDN: NMBKVR.
Kobzeva, E.V. Evaluative signs in the criminal law: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences. Saratov. – 2002. – 31 p. EDN: NMBKVR.
8. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – 352 с. EDN: ZGVREV.
Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification, Moscow. – 1972. – 352 p. EDN: ZGVREV.
9. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с. EDN: ZGTQCL.
Kudryavtsev, V.N. Theoretical foundations of crime qualification. Moscow: Gosyurizdat. – 1963. – 324 p. EDN: ZGTQCL.
10. Курсаев, А.В. Конструирование оценочных признаков в уголовном законе // 30 лет Уголовному и Уголовно-исполнительному кодексам Российской Федерации: итоги и перспективы: материалы XV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2026 года. – Москва : ЮрЛитИнформ, 2026. – С. 255–258. EDN: VEXWTW.

Kursaev, A.V. Construction of evaluative features in criminal law // 30 years of the Criminal and Penal Codes of the Russian Federation: results and prospects: proceedings of the XV Russian Congress of Criminal Law, held on May 28-29, 2026. Moscow : Yurlitinform, 2026. – Pp. 255–258. EDN: VEXWTW.

11. Милуханова, Е.Е. Концепция уголовно-правовой категоризации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2026. – 40 с.

Milyukhanova, E.E. The concept of criminal law categorization: abstract of the dissertation of Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2026. – 40 p.

12. Мусиенко, Н.С. Оценочные признаки в составах преступлений против общественной (общей) безопасности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2026. – 21 с.

Musienko, N.S. Evaluative signs in the composition of crimes against public (general) security: theoretical and applied research: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – Krasnodar, 2026. – 21 p.

13. Нудель, С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 5–22. DOI: 10.12737/jrp.2023.001. EDN: ZYYDDU.

Nudel, S.L. Modernization of criminal policy: problems of legal regulation // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 1. – Pp. 5–22. EDN: ZYYDDU.

14. Питецкий, В.В. К вопросу о сущности оценочного понятия в праве // Социальное управление и право: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 61. – Свердловск, 1977. – С. 89–93.

Pitetsky, V.V. On the issue of the essence of the evaluative concept in law // Social management and law: interuniversity collection of scientific papers. Issue 61. Sverdlovsk, 1977. – Pp. 89–93.

15. Пономарев, Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 40–45. DOI: 10.18572/2072-4411-2023-4-40-45. EDN: PHALKH.

Ponomarev N.S. Discretionary powers of judges in criminal proceedings: a critical analysis // Criminal proceedings. – 2023. – No. 4. – Pp. 40–45. EDN: PHALKH.

16. Фиошин, А.В. Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 5. – С. 90–113. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-5-90-113. EDN: PDUIFS.

Fioshin, A.V. On evaluative concepts of private and public law // Bulletin of the Civil Procedure. – 2022. – No. 5. – Pp. 90–113. EDN: PDUIFS.

17. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург, 1993. – 192 с. ISBN: 5-02-007351-2 EDN: QTWVDT.

Cherdantsev, A.F. Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg, 1993. 192 p. ISBN: 5-02-007351-2. EDN: QTWVDT.